

«Черные тетради» Мартина Хайдеггера: бытийная история и метаполитика

М.Б. Митлянская

Московский государственный университет

имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация

Философское сообщество активно обсуждает «Черные тетради» – философские дневники Мартина Хайдеггера. Их публикация открыла для исследователей отдельный пласт концепции бытийной истории. Это произведение – наглядный пример того, насколько близко могут находиться философская мысль и политическая атмосфера времени. Хайдеггер стал свидетелем событий, вызвавших у него неоднозначное отношение. Он имел определенные представления о необходимости реорганизации немецкого университета, создания «аристократии духа», из-за чего и оказался вовлеченным в национал-социалистическую партию. Безусловно, этот период его деятельности и творчества должен быть тщательно про-анализирован множеством историков философии, чтобы иметь достаточно широкое и обоснованное представление о мотивах одного из самых влиятельных мыслителей XX столетия, осознавать степень солидарности с политикой нацистской партии и, что наиболее ценно, различать философское содержание в политически ангажированных текстах тех лет. История знает примеры, когда философ в своем стремлении повлиять на действительность приближался к действующей власти, но такое положение дел едва ли когда-то оборачивалось для его философствования плодотворно. Статья содержит текстологический анализ первоисточника и историко-философских суждений о содержании «Черных тетрадей». Автор дает свою оценку эволюции политических и философских взглядов Хайдеггера с 1931 по 1948 гг. Хайдеггер никогда не был идеологом Третьего рейха и его труды необходимо рассматривать в первую очередь как результат философского осмысления ситуации в мире, в стране, в академическом пространстве.

Ключевые слова: воля к власти, национал-социализм, другое начало, событие, *das Man*, *Machenschaft*, *Ereignis*.

Митлянская Мария Борисовна – магистр философии, аспирант кафедры истории зарубежной философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Для цитирования: Митлянская М.Б. «Черные тетради» Мартина Хайдеггера: бытийная история и метаполитика // Философские науки. 2020. Т. 63. № 4. С. 132–151. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-4-132-151

Martin Heidegger's *Black Notebooks*: Existential History and Metapolitics

M.B. Mitlyanskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

Philosophers actively discuss *Black Notebooks* – Martin Heidegger's philosophical notebooks. Their publication opened for researchers a new field in the concept of existential history. The *Notebooks* are a good example of how closely related philosophical thought and the political atmosphere of time can be. Heidegger witnessed events that caused him to be confused. He had certain ideas about the reorganization of a German university, the formation of “aristocracy of spirit,” which is why he became involved in the National Socialist Party. Of course, this period of his activity and work should be carefully analyzed by many historians of philosophy in order to have a broad and well-founded idea of the motives of one of the most influential thinkers of the 20th century, to realize the degree of solidarity with the policy of the Nazi party, and, most importantly, to grasp philosophical content in politically biased texts of those years. History knows examples when a philosopher, in his desire to influence reality, collaborated with government, but such collaboration hardly ever turned fruitful for his philosophical research. The article contains an analysis of Heidegger's text as well as a review of contemporary discussion on the *Black Notebooks*. The author gives his assessment of the evolution of the political and philosophical views of Heidegger from 1931 to 1948. It can be concluded that Heidegger was never the ideologist of the Third Reich and his works must be considered primarily as the result of a philosophical comprehension of the events taken place in the world, in the country, in the academic sphere.

Keywords: will for power, national socialism, another origin, event, das Man, Machenschaft, Ereignis.

Mariya B. Mitlyanskaya – Master of Philosophy, postgraduate student of the Department of the History of Foreign Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

divaeanor@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-4837-5931>

For citation: Mitlyanskaya M.B. (2020) Martin Heidegger's *Black Notebooks*: Existential History and Metapolitics. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 4, pp. 132–151. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-4-132-151

Введение

В последние годы часто поднимается вопрос о политической позиции немецкого философа Мартина Хайдеггера. Короткий срок на посту ректора Фрайбургского университета и отдельные выдержки из недавно опубликованных «Черных тетрадей» [Heidegger 2015a; Heidegger 2015b; Heidegger 2015c; Heidegger 2015d] дали почву для новых дискуссий по старой теме. Ряд западных историков философии приписывают Хайдеггеру прямое пособничество нацизму в самых крайних его проявлениях. Подобные радикальные теории начинают обрастать подробностями, вдохновленными цитатами из разнообразных первоисточников, подчас без взвешенного учета контекста. Даже ранний, наиболее известный труд, его *opus magnum* – «Бытие и время», утвердившийся в образовательных программах университетов и всесторонне исследованный, внезапно также был подвергнут резкой критике за пропаганду национал-социализма [Хайдеггер... 2018, 11–27].

Сами «Тетради» более похожи на дневник мыслей философа, которые отражают его актуальное отношение к происходящему в обществе, государстве, сфере образования. Все эти явления воспринимаются и трактуются не без философских отсылок и свойственных Хайдеггеру глубокомысленных толкований. Безусловно, некоторые параграфы и разделы «Черных тетрадей» легли в основу его статей и выступлений, но в самих «Тетрадах» философ не утруждает себя целью упрощать витиеватости и не подбирает слова, чтобы донести идеи до кого-либо, т.к. это, скорее, рабочее пространство самого мастера. Данная работа не прошла тщательной и полной академической редакции и написана на символическом языке Хайдеггера с поэтическими элементами, требующими расшифровки. Эту расшифровку можно производить по-разному, возможны и тенденциозные истолкования критиков. Так появляются крайне радикальные интерпретации: материал обширен, а признанных специалистов высокого уровня не так уж много (к тому же сфера их научных интересов по большей части касается онтологических аспектов хайдеггеровского философствования).

Философ, вероятно, предвидел подобный ход вещей и в собственном завещании настоял, чтобы публикация «Тетрадей» случилась не ранее чем через 40 лет после его смерти, в надежде, что этого времени будет достаточно для переосмысления исторических процессов прошлого: «В то время, как и сейчас, в 1948 г., – писал Хайдеггер, описывая происходящий вокруг его личности и его трудов шум, – широко распространяются клевета и оскорбления, никто не берет на себя труд рассматривать дело, основываясь на фактах, или же судить по моим произведениям и широко известным лекциям, и чтобы это было не ради общественного мнения или защиты, а ради установления истины» [Heidegger 2015d, 463].

Однозначно, имея теперь в распоряжении материалы, много лет скрытые от взора читателей и привлечшие пристальное общественное внимание, требуется проявить предельную исследовательскую осторожность, тем более выдвигая какие-либо сильные тезисы. Сомнительно отвергать саму возможность взглянуть на новые тексты всей совокупности трудов Хайдеггера (его публичных лекций, дневников и свидетельств) в широком контексте. Следует признать, что это может быть сделано ради намерения создать «быструю сенсацию», основываясь на нескольких неоднозначных выдержках.

В данной работе используется термин «метаполитика» вслед за самим Хайдеггером. «Метафизика присутствия (Dasein) должна углубиться в свою внутреннюю структуру и расшириться до метаполитики исторического народа» [Heidegger 2015a, 124]. Стоит отметить, что его работа над этим понятием останавливается в первом томе «Черных тетрадей». Исходя из содержания самого текста и комментариев уважаемого Петера Травни, метаполитика – форма развития метафизики, встающей на службу политическому. Отсюда двойственность в названии статьи: в «Черных тетрадах» есть элементы концепции бытийной истории как глобального проекта преодоления метафизики и опредмечивающего мышления, так и элементы метаполитики как анализа процесса заката метафизики в поле развертывания конкретных историко-политических событий времени М. Хайдеггера.

Прежде чем перейти к изложению этого небольшого исследования, необходимо обозначить варианты подходов к исследуемой теме. Существует социологический подход, который полно раскрывается в работе Бурдьё [Бурдьё 2003]. Согласно этому подходу выявляются идеологические субстанции в

бытийно-исторических размышлениях Хайдеггера. Историко-биографический метод наиболее распространен, поскольку в свете специфики публикаций «Черных тетрадей», общественность в первую очередь судит о качествах личности германского философа и только потом, как следствие, о ценности его философских интуиций. Высоким примером применения данного метода могут быть статьи Н.В. Мотрошиловой: «Почему опубликование 94–96 томов собрания сочинений М. Хайдеггера стало сенсацией?» [Мотрошилова 2014] и «И снова о “Черных тетрадях” Мартина Хайдеггера (к дебатам лета – осени 2015 г.)» [Мотрошилова 2016]. Можно отнести сюда же ряд известных статей [Габриэль 2015; Миронов, Миронова 2018; Фалёв 2016; Михайловский 2018]. Еще один существующий подход – политологический, где над историко-философскими методами преобладает нормативно-ценностный анализ трудов и жизни мыслителя, их взаимовлияние с политической атмосферой времени [Клемме 2016; Михайловский 2017]. Подавляющая часть статей сборника «Хайдеггер “Черные тетради” и Россия» [Хайдеггер... 2018] выстроена в соответствии с задачами подобного метода. К сожалению, едва ли представляется возможным допустить, что ученые, участвовавшие в создании этого опуса, ставили своей целью беспристрастный анализ доступных материалов. Достаточно ознакомиться с аннотацией (выдержка одной из статей данного сборника за авторством Ричарда Волина), чтобы уловить общий тон предлагаемых рассуждений: «Уже в “Бытии и времени” критика “повседневности” часто неотличима от антидемократической, протофашистской позиции Карла Шмитта или Эрнста Юнгера». Подавляющей части статей из данного сборника свойственны высокая эмоциональная окраска, чрезмерно сильные, бескомпромиссные выводы в тоталитарной стилистике.

Необходимо подробно рассмотреть онтологические категории, на которые опирается Хайдеггер в своих метаполитических изысканиях, с опорой на его бытийно-исторический проект. Говоря иначе, в обилии стольких подходов к философской проблеме, ощущается явная нужда именно в историко-философском инструментарии, где фундаментальная онтология будет рассматриваться с учетом исторических справок, а не наоборот.

«Вульгарный» и «духовный» национал-социализм в «Черных тетрадях» М. Хайдеггера

Необходимо прежде всего рассмотреть, как формировалось и изменялось представление Мартина Хайдеггера о сущности и на-

значении национал-социализма с 1931 по 1948 гг. Сразу заметим: анализ материалов «Черных тетрадей» позволяет рассуждать о том, что, с точки зрения Хайдеггера, формы (ипостаси, «модусы») национал-социализма могут быть различными. Критикуя неприемлемые для него черты действующего режима и «упрощенного» национал-социализма, мыслитель формулирует идею «духовного национал-социализма» (*der geistige Nationalsozialismus*). Духовный национал-социализм понимался им не как нечто самоценное, но как то, от чего человечество сможет оттолкнуться в преодолении метафизики при переходе в область знания, основанного на иных принципах, т.е. в Другое Начало (*die andere Anfang*). Опираясь на 69 том собрания сочинений [Heidegger 1998, 45], можно составить общее представление о знании в эпоху Другого Начала. Характер знания (в том числе научного) не должен быть принудительно-господствующим и нагруженным методическими условностями, ограничивающими вопрошание. Ценность знания здесь не определяется его внешним подкреплением по закону основания. Реализованная в действительности концепция национал-социализма, по мнению Хайдеггера, несла в себе лишь бескомпромиссные принудительные ответы, воплощая предельную степень «разнужданности» метафизики. И философ это ощущал. В части «Тетрадей» отражен краткий период, когда Хайдеггер верил, что «духовный национал-социализм» может стать выражением «мышления Другого Начала». Само собой, подобное не могло свершиться, и Хайдеггер рано или поздно признает и это. Именно в таком смысле Хайдеггер противопоставляет «духовный» национал-социализм «теоретическому знанию», подчиненному принципу основания и потому принадлежащему эпохе господства метафизики: «Духовный национал-социализм не является теоретическим; он также не лучший и совсем не подлинный; скорее, он точно так же необходим, как различные организации и сословия. При этом, к слову сказать, “работник лба” не менее далек от духовного национал-социализма, чем “работник кулака”» [Heidegger 2015a, 135]¹.

Здесь стоит оговорить, что само наличие термина «национал-социализм» не должно трактоваться как приверженность Хайдеггера тем идеям, которые подразумеваются при упоминании

¹ Идея «сословий» отсылает к вере Хайдеггера в некую «духовную элиту», «аристократию духа», воспитанием которой, в частности, должен был заниматься университет.

этого явления сегодня, а именно расовой теории и угнетения иных народов. Национальная ориентация политических и идейных течений периода между двумя мировыми войнами отчасти стала следствием ограничений, наложенных на Германию, и аннексии ее территорий после Первой мировой войны. Будет достаточно вспомнить известное высказывание В.И. Ленина о событиях, породивших немецкий национал-социализм: «Это неслыханный, грабительский мир, который десятки миллионов людей, и в том числе самых цивилизованных, ставит в положение рабов. Это не мир, а условия, продиктованные разбойниками с ножом в руках беззащитной жертве...» [Ленин 1970, 352–353].

Очевидно, желание немцев восстановить свой статус полноценной, независимой нации было движущей силой тогдашних политических идей и их философского осмысления. Из самого желания немцев вернуть национальное достоинство и силу государства еще не следуют с необходимостью бесчеловечные и непростительные взгляды и методы, которые сделали Третий рейх синонимом абсолютного зла. Именно отступление от ориентации на свободное и ответственное мышление, внедрение политической пропаганды в образование и вульгаризацию идеи германского пути философ связывает с понятием «вульгарного национал-социализма» (*Vulgarnationalsozialismus*) [Heidegger 2015a, 142].

Благодаря агрессивной идеологии, безвольность и бездумная покорность проявлялась там, где имела место потребность проявления воли и плодотворных сомнений. В данном случае речь идет о потребности противостоять соблазну упрощения и вульгаризации, приведших к жесточайшим и трагическим трансформациям первоначальной идеи национального возрождения – «луча света» для немецкого народа после затяжного кризиса.

Используя терминологию Хайдеггера, основной чертой вульгарного национал-социализма является отсутствие духовности. На примере конкретных процессов, сопровождающих становление режима фашистской Германии, философ раскрывает суть этой вульгаризации и упадка.

Осознавая шаткость положения, правительство Германии принимает все возможные меры, чтобы в максимально сжатые сроки обратить всех в свою «веру», придать видимость единства и облечь все, что только возможно, в свои цвета. Само собой, поспешность и комичная суетливость ряда решений вызывает протест

Хайдеггера: «Будто национал-социализм – это краска, которая сейчас очень быстро наносится на все» [Heidegger 2015a, 133]. И в другом месте: «Мы вступаем теперь во время наспех подогнанной “идеологии” национал-социализма, сегодня особенно легковесной» [Heidegger 2015a, 142].

Говоря об иных подходах к исследованию метаполитического наследия М. Хайдеггера, стоит вновь упомянуть Пьера Бурдьё. Задолго до публикации его 94–97 томов собрания сочинений, Бурдьё [Бурдьё 2003] проводит социологическую деконструкцию трудов Хайдеггера, цель которой – доказать читателю, что философский проект Хайдеггера всего лишь оболочка, кокон, внешняя псевдофилософская форма изложения его политических и классовых позиций. Сам Бурдьё, несмотря на стремление оставаться среди неангажированных ученых, принимал активное участие в политической судьбе своей страны вместе с М. Фуко. Социолог умело выводит фигуру философа из онтологического пространства, препарируя его идеи практически в полном осознанном отрыве от их исторического истока, от места зарождения – истории античной философии. Хотя вся (особенно после «Бытия и времени») мысль Хайдеггера была направлена на самые традиционные философские задачи. Соглашаясь с автором «Политической онтологии М. Хайдеггера», его вполне можно называть консервативным революционером, где консерватизм – это возврат к древнейшим вопросам философии. Более того, он стремился именно восстановить естественную человеческую необходимость вопрошать о том, что, казалось бы, было окончательно установлено во времена Платона в области «вечных вопросов». Именно это представляется осью большинства его трудов. Цель авторской методики Бурдьё – это выявление идеологических субстанций, которые он наблюдает в основе большинства интеллектуальных работ веймарского и поствеймарского периода в Германии. Это так называемая «политическая истина с философской претензией». Любое «философское поле» редуцируется до понятия «социальный микрокосм», где выдающийся социолог ощущает инструментальное превосходство, уличая Хайдеггера в методическом экстремизме.

Проект немецкого университета Хайдеггера. Ректорство

Довольно распространенной фактологической неточностью является попытка приписать Мартину Хайдеггеру «лавры» непосредственного идеолога Третьего рейха, закрепив тем самым

расистские устремления за философом. Цитируя израильского исследователя Йоэля Регева: «Хайдеггер хотел быть философом национал-социалистического режима, он хотел, чтобы его философия стала идеологией национал-социалистической революции» [Люди... 2015]. Но как корректно понимать такой комментарий? Мартин Хайдеггер ощущал в себе способность создать почву для влияния на интеллектуальную элиту того времени, но оказался недостаточно соответствующим политическому вектору правящей партии. Он стремился повлиять на процессы, протекающие на родной земле, но никак не «одалживать» свой философский гений на службу репрессиям и теоретическому обоснованию расовых чисток. Можно заметить, что в происходивших тогда глобальных переменах философ мог по примеру Платона, посещавшего Сиракузы, надеяться воплотить в политической жизни свои философские интенции, но никак не реализовывать кем-то изготовленные и намертво закрепленные теоретические и идеологические установки. В конечном итоге не происходит ни того, ни другого. Рассуждать о вероятных последствиях успешного внедрения хайдеггеровской мысли в политические механизмы того времени, благо, не приходится: история не знает сослагательного наклонения.

Именно бездумное насаждение идеологий неоднократно порицается в «Тетрадах». Допуская, что Хайдеггер мог надеяться повлиять на культурное наполнение политической трансформации Германии, стоит также принять во внимание, что он напроочь отказывался теоретически обосновывать национал-социализм в том виде, в котором он существовал, напрямую заявляя об этом в своем дневнике. Он вспоминает, что национал-социализм в Германии взял начало от действия, а не от теории. Потребовалось найти подкрепление этим действиям на скорую руку, прогибая философию под сиюминутные нужды правящей коалиции. Отсюда следует четкое разделение национал-социализма на теоретический и практический, что расценивается Хайдеггером как недопустимое.

Обратимся еще к одной цитате, которую вполне возможно трактовать двояко: «Национал-социализм не является навек запечатленной истиной, свалившейся с неба – воспринятый таким образом, он станет заблуждением и глупостью. Следовательно, как он развился в прошлом, так он должен стать развивающимся и в настоящем, и сам формировать будущее – а это значит, что он

сам как структура не должен допустить чего-то подобного (обращения в застывшую глупость. – М. М.)» [Heidegger 2015a, 114]. Уточню, что под термином «национал-социализм» здесь следует понимать явление некой идеи немецкого возрождения для реабилитации германской нации, а не угнетение других. Идеи подвижной, не скованной «неприкасаемыми постулатами» (например, обязательной политикой жестокой расовой дискриминации). До определенного момента на месте современника национал-социалистической революции можно было предполагать, что ранний (дорепрессивный) национальный вектор поствеймарской Германии не разовьется в ожесточенный нацизм, но в движение, целью которого было бы объединение всех слоев общества под ответственностью титульной нации, не базирующееся на этнической, культурной и религиозной нетерпимости, но превозносящей позитивные ценности, связанные с историей и наследием государства. Такой взгляд можно счесть (постфактум) недалёковидным, но не преступным. Философ, оказавшийся на пике известности и карьерного успеха во время становления национал-социалистической идеологии, обречен стать объектом соответствующих подозрений, вне зависимости от степени прямой солидарности с ней. Особенно учитывая, какое наполнение стали нести используемые мыслителем в «Тетрадах» термины лишь после 1938 г., т.е. после начала реализации чудовищного плана по бескомпромиссному «очищению» Германии от еврейского населения. Выдержки, в которых Хайдеггер свободно рассуждает о подлинном назначении национал-социализма, относятся к более раннему периоду (1931–1933 гг.), когда еврейский вопрос в Германии только подходил к так называемому первому довоенному этапу (1933–1939 гг.).

Хайдеггер видит формирующееся движение как позитивную возможность для своего народа, немецких университетов и истории мысли, за судьбу которых он искренне тревожится, что отчетливо прослеживается на протяжении не только всех «Тетрадей», но и в личных письмах. «При этом Ясперс неизменно видит в Хайдеггере единственно возможного университетского руководителя» [Миронов, Миронова 2016]. В связи с чем философ уверенно и с помпой делает шаг в сторону партии, чтобы в том числе иметь значительно больше шансов действительно повлиять на университетские реалии, будучи на ректорском месте. Только имея весомое положение в системе, философ, как он считал, мог

бы иметь шансы выполнить свою миссию реорганизации немецкого университета. В идеальной философской интерпретации Хайдеггера эта возможность не обязана становиться идеологией «против кого-либо», что, конечно, чересчур опережает его время и злободневную реальность вокруг. Хайдеггер не признает состоятельность идеологии как явления, равно как и мировоззрений, поскольку они не оставляют пространства вопрошанию, навязывая готовые «вечные» ответы: «Это окоченение лишь закрепляет существующую ситуацию, поскольку препятствует всем опережающим инициативам и настроениям и приводит в состояние идеологически унифицированного довольства, которое еще хуже, чем то, что было раньше...» [Heidegger 2015a, 141].

Приведенные выше фрагменты дневниковых записей Хайдеггера, относящихся к раннему периоду (1931–1938 гг.), дают веские основания полагать, что изначальное довоенное отношение Хайдеггера к пришедшему к власти строю было обусловлено надеждой автора «Тетрадей» на обретение этим режимом характера «духовного» вызова. Однако Хайдеггер совершенно не удовлетворяется методами и содержанием работы действующей власти с народом, особенно ярко заметно это по отношению к университету, в частности ко студенчеству. Философ уже в этот период характеризует господствующий тип идеологии как абсолютно бесплодный, что станет одной из основополагающих причин отказа от должности ректора Фрайбургского университета. В сложившемся «шуме» и накаляющихся политических страстях его цели не могут быть осуществлены. Ректорство оценивалось философом как ошибочный шаг. Более того, после ректорского периода, сознательно сняв с себя груз политической ответственности, Хайдеггер позволяет себе публично высказываться по поводу власти. В своих ницшеанских лекциях 1936–1940 гг. он фактически открыто критикует партию, чего не позволяла себе большая часть ученых, которые сегодня не подвергаются обвинениям в содействии злодеяниям нацистов. Партийное требование подгонки всего научного знания под идеологию возмущает философа и вызывает однозначно негативный отклик: «На рынок вбрасывается умаление национал-социализма до некоего ухищрения, с помощью которого сейчас, как неким новым фонарем, вся прежняя наука с ее материями подвергается пересмотру и соответственным образом по-новому освещается» [Heidegger 2015a, 140]. Многие публичные выступления Мартина Хайдеггера ректор-

ского периода можно трактовать как глубоко политизированные в силу риторики и множества образов, присвоенных Третьим рейхом, однако имеющих более древние корни в истории и языке германских народов. Автор статьи склонна сделать вывод, что это не философское стремление поддержки национал-социализма, но лишь роковая ошибка, заключающаяся в попытке использовать власть и ее стихийное становление с целью распространения своей философии в жизнь.

Свободомыслие и попытки рассуждать вразрез с действующей системой ценностей жестоко пресекались. Философия должна наравне с наукой подчиниться готовым идеологическим истинам и подстраиваться под них, теряя таким образом свое подлинное назначение. В подобном положении вещей, когда «все готово», возможность человека «принимать на себя совершенно новое и неслыханное духовное призвание» [Heidegger 2015a, 141] так и остается нераскрытой, нереализованной.

В приведенных выше фрагментах вновь поднимается проблема «затвердевания», упорства реально существующего национал-социализма. Открывается его неспособность здраво оценить себя со стороны, а следовательно, и неспособность к борьбе со своими пороками, неспособность проецировать себя, набрасывать, реализуясь в новом преломлении.

Рассматривая однозначно негативное отношение Хайдеггера к идеологической слепой пропаганде и ее давлению на все отрасли знания, сложно обойти вниманием фигуру, стоявшую на острие этого разрушительного процесса. По мнению историка из Оксфордского университета Клаудии Кунц, для Хайдеггера Гитлер был воплощением «подлинности» [Кунц 2007, 68]. Однако это можно счесть актуальным для довольно короткого периода времени. Действительно, тогда же, когда философ видит в идее национал-социализма вероятность высоких перспектив, он говорит о фюрере как о том, кто пробуждает новую действительность, стимулируя мышление. Очарование и надежды проходят даже раньше, чем желание возглавлять Фрайбургский университет – за считанные месяцы тесного взаимодействия с органами действующей власти. Свободное мышление и вопрошание оказываются не в почете там, где требуются конкретные ответы.

Так же неоднозначно мнение историко-философского сообщества относительно отношения Хайдеггера к печально знаменитой автобиографической книге Гитлера. Ханна Арендт утверждала,

что Хайдеггер вовсе не читал «Mein Kampf». Эмманюэль Фай, Алекс Стайнер и ряд исследователей придерживаются точки зрения, что философ был хорошо знаком с этой книгой и имел исключительно положительное о ней мнение. Соглашусь, вероятность того, что Хайдеггер вовсе не читал «Mein Kampf», кажется несколько нереалистичной. Однако обоснованность выводов об одобрительном отношении философа к этой книге, опирающихся на аналогии между понятием «борьбы» у Хайдеггера в его инаугурационной ректорской речи и «борьбой за исполнение предначертанной судьбы немецкого народа» Гитлера, представляется недостаточной [Rockmore 1992, 69]. В «Черных тетрадах» мы находим любопытный отрывок, который, судя по всему, может иметь непосредственное отношение к поднятой проблеме: «...Обратите внимание на преувеличенный акцент на прежней борьбе, как будто теперь она закончилась. Те, кто себя лишь утверждает (а не осуществляет и не преобразует. – М. М.), впадая при этом в пустое превосходство, те менее всего застрахованы от беспринципности, когда сегодня без разбора хвалят и превозносят все то, с чем перед тем якобы боролись» [Heidegger 2015a, 141].

Акцент, преувеличенный кем? Тут будет полезным упоминание малоизвестного факта: изначально «Моя борьба» имела более длинное и нелепое название – «4,5 года борьбы против лжи, глупости и трусости». Сразу же вспоминается все то, что так рьяно порицает Хайдеггер. А именно акцент на борьбе свершенной. Полное название невольно провоцирует иронию. Почему 4,5 года? Вероятно, автор «Mein Kampf» мог счесть, что он решил эти проблемы раз и навсегда. Или же попросту прекратил бороться (к слову, книга была издана в 1925 г.). Эта абсурдность, вполне вероятно, и вызвала более чем резонную оценку Хайдеггера. Идея «борьбы» в трудах М. Хайдеггера, т.е. отсылка к греческому *πόλεμος*, заимствована все же у Гераклита, а не у Гитлера. Под «противостоянием» у Хайдеггера понимается не кровавая бойня или война за идею, а «способ, которым вещи самоопределяются и раскрывают свою сущность, это борьба значений» [Fried 2000, 17].

Подлинная борьба, как путь к пониманию, не может иметь окончания. Вновь обратимся к «ректорской речи» философа, вызывающей наибольший интерес у критиков. В «Тетрадах» Хайдеггер выразил надежду, что придет время, когда люди, свободные от предрассудков прошлого, увидят в этой речи нечто большее, чем

просто умелую игру с риторикой национал-социализма, а именно, «осмысление мгновения западной науки» [Heidegger 2015a, 503].

Поверхностный и вульгарный характер идеологии Третьего рейха провоцирует массовые заблуждения у народа Германии. Как замечает сам Хайдеггер в «Черных тетрадах», все это подогревается «глупыми ссылками» на «Мою борьбу», из которых формируется вполне конкретное учение об истории и человеке, названное мыслителем «*этический материализм*» – одно из могущественных проявлений *Machenschaft*.

Machenschaft: тонкости перевода

Мной осознанно сделан выбор использовать слово «*Machenschaft*» на языке оригинала, т.к. данный термин несет в себе огромное количество оттенков значения, невыразимое в односложном переводе. Этот термин у Хайдеггера означает и потребительскую установку общества, и политику подмены изначальных смыслов, лишаящую корней Бытия, а также информационные манипуляции при помощи «умалчивания» или же наоборот «великого шума», негативные стороны технического процесса, позволяющие сталкивать ранее скрытые друг от друга сферы общественной и частной жизни, безграничное оглушение при помощи вброса готовой информации, не требующей дальнейшего осмысления, обесценивание знания, чувств, процессы, ведущие в итоге к полному истощению и разрушению как основ мира, так и человеческой природы в человеке, желание присваивать, ограничивать, заменять мышление вычислением, доводя усреднение до абсурда, перемещение фокуса внимания общественности к искусственно созданным проблемам, порождение толков, слухов и т.д. Говоря про *Machenschaft*, Хайдеггер нередко использует рядом слово «*Macht*» – «власть», «сила», демонстрируя степень влияния и могущества, т.е. масштабов этого опредмечивающего принципа. Там же, в «Черных тетрадах», мы находим описание трех степеней Величия:

1) Исполинское Величие: оно царит в обществе, затуманенном *Machenschaft*, являясь решительным из-за невозможности оспорить постулаты.

2) Титаническое Величие: которое восстает против непреклонной насильственной божественной воли.

3) Изначальное Величие: происхождение простейшего в его уникальности и его непередаваемые основы [Heidegger 2015a, 503].

Следуя этому отрывку, мы можем сделать вывод, что «Величие» как таковое у Хайдеггера не является позитивной оценкой явления, характеризуя скорее масштаб и возможности, нежели качество происходящего.

Этот пример наглядно раскрывает суть проблемы работы с трудами Хайдеггера, особенно ушедшими «в стол», не адаптированными для широкой публики. Если исследователь подходит к материалу с целью найти доказательства для радикально обвинительной позиции по поводу политической ангажированности «черного колдуна», он их с легкостью найдет. Например, какой-нибудь отрывок об «исполинском величии идеологии нацизма». Такой ученый может с легкостью отбросить или даже попросту не докопаться до подлинного значения «исполинского величия» в хайдеггеровском языке. Зато будет готовая сенсация с опорой на первоисточник. Но при ближайшем рассмотрении того же первоисточника обнаружится жесткая критика партии, вопреки первому впечатлению. Но, к сожалению, редко люди, не специализирующиеся на хайдеггеровской философии, прочитав подобную «сенсацию», стараются погрузиться в предмет самостоятельно. Так рождаются клише.

Хайдеггеровское осмысление роли национал-социализма и его последствий в мировой истории

В 1938–1939 гг. Хайдеггер ярко высказывается о собственных философских оценках сущностной перспективы национал-социализма как о наивных. В связи с этим следует рассмотреть указание Хайдеггера на «ошибку 1933 г.» и на важность незамутненного и неискаженного представления об этой ошибке. Вернемся к упомянутому ранее мнению Хайдеггера о роли духовного вызова в преодолении метафизики. Философ настаивал на необходимости отринуть метафизику в пользу «философии усмотрения сущностей», бытийно-исторического чутья, воспринимая ее как этап перехода в эпоху «основания безосновного». Ошибка же состояла, скорее всего, в том, что философ надеялся, что новый этап в истории Германии даст такую возможность, даст импульс, который приблизит Другое Начало. Однако в сложившейся обстановке помышлять о духовном и интеллектуальном росте не представляется возможным: «Невозможно достаточно громко выразить негодование о распаде “науки” и “истины” во время господства национал-социализма» [Heidegger 2015a, 135].

В конце статьи хотелось бы, исходя из материалов «Черных тетрадей», показать отношение Мартина Хайдеггера к некоторым событиям и явлениям современного мира, провидчески оцененным мыслителем. Но сначала несколько слов в пояснение.

Философ в своем капитальном труде «Бытие и Время», основываясь на анализе текстов Аристотеля, освещает два уровня времени – кайрологическое и хронологическое. Сообразно этому разделению, история в свою очередь тоже делится на два «типа» – онтическая временность (*Historie*) и онтологическая (экзистенциальная) временность (*Geshichte*). *Historie* – «историография» в переводе В.В. Биbihина – это последовательность происшествий. По сути, это все то, что происходит. *Geschichte* – «История» с большой буквы, летопись Смысла. Это События (*Ereignis*), которые способны изменять действительность.

Том 97, в котором были опубликованы «Черные тетради» за 1941–1948 гг., интересен как историко-философский материал, затрагивающий отношение Хайдеггера к вопросам «исторического» именно как *Geschichte*, о роли человека, роли национал-социализма и отношения мировой общественности к последнему в Истории. «Сколь презренно, – пишет Хайдеггер, – это беспомощное пресмыкание перед надзором, осуществляемым посредством планетарного террора всемирной гласности, в сравнении с которой значительная жестокость утратившего историю “национал-социализма” является чистой невинностью – несмотря на всеобъемлющую очевидность причиненного им опустошения?» [Heidegger 2015d, 87].

С первого же отрывка становится ясно, что автор прозревает пагубные последствия своих ошибок, ошибок немецкого и многих содействующих напрямую или скрытно народов. Европа встала на путь самоисчерпания, саморазрушения: «Те, кто сегодня объединяются, так ничему и не научились, это выглядит на самом деле так, как если бы с нами за 12 лет ничего сверх этого не произошло – объединение тех, кто был разорен после 1932 года, и согласие на это иностранных государств!» [Heidegger 2015d, 98].

Здесь Хайдеггер обозначает причастность иностранных государств, их молчаливое одобрение (воцарения нацизма в Германии) и историческую безграмотность (отсутствие способности усмотрения смыслов), приведшие к плачевным последствиям. Сегодня мы знаем о роли международного финансового капитала в поддержке фашистского режима, о тайной и явной помощи со стороны полити-

ческих сил на разных этапах развития Третьего рейха. Это означает, что необходимо адекватно оценивать степень ответственности всех участвующих сторон. В послевоенное время (после Второй мировой войны) Германия, по словам Хайдеггера, вся превратилась в подобие концлагеря, при полном нежелании со стороны «мира» это видеть: «Какие могли бы быть последствия: с одной стороны, одни вернутся ко временам ранее 1932 г., но другие по-новому осознают национал-социализм в том смысле, что он все же был прав» [Heidegger 2015d, 100]. Критики Хайдеггера могут счесть, что философ в данной цитате оправдывает и поддерживает деяния нацистов, но просто изучив это место в контексте, можно увидеть, что Хайдеггер, напротив, выступает с предостережением к западным державам. Никакая «коллективная вина» не может быть соразмерна, по Хайдеггеру, ужасам газовых камер [Heidegger 2015d, 99]. Но пропаганда «культы вины» может привести к тому, что часть людей вернется к состоянию до 1932 г., т.е. к состоянию бессилия и национального унижения, а часть снова может быть привлечена тоталитарными идеями.

«Дешево и в то же время глупо, – продолжает в другом месте философ, – говорить о моральном, однако, возможно, безответственно набрасываться на национал-социализм без того, чтобы когда-либо заняться серьезными размышлениями о “социализме”; это не какое-то чисто “политическое” партийное дело, это антропология нового времени в пределах техники – здесь лежит основа завершения сущности истории Нового времени» [Heidegger 2015d, 136]. Определяя социализм как «антропологию Нового времени в пределах техники», философ, по сути, признает за ним возможность трансляции лишь усредненных модусов существования. Социализм в риторике Хайдеггера становится попыткой человека отвлечься от своей ничтожности или хотя бы чем-то ее оправдать. При такой общественной установке человеком не руководит никакая другая потребность, кроме любопытства, что порождает слухи, толки и шум. Но всякий человек имеет предпонимание Бытия. Именно его реально-наличное понимание нужно прояснять. Социализм, как установка на уровне человеческого самоопределения, лишает человека этой возможности, в невообразимых масштабах реализуя и развертывая принцип Эпохи Забвения Бытия.

Заключение

В «Черных тетрадах» бытийная история Мартина Хайдеггера раскрывается с новой, более адаптивной стороны. Философ предстает перед нами как ректор университета, общественный деятель,

аналитик, прорицатель, и мы находимся в ситуации, позволяющей здраво оценить, насколько его философская интуиция оказалась точна. Но к этой оценке можно подходить лишь после глубокого изучения произведений периода «после поворота» («Das Ereignis», «Geschichte des Seyns» и др.).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что ни в коем случае не стоит подвергать забвению хайдеггеровскую мысль лишь из-за трагических моментов его биографии и сложных разделов рабочих записей. В данной статье мы приводили самые острые выдержки, разбирая возможные варианты их интерпретаций и предлагая из них наиболее близкие языку и духу хайдеггеровского философского наследия. Остается лишь надеяться, что если не отдаваться во власть поспешных выводов, уделить достаточное внимание изучению биографического контекста, стремясь проникать в смысл философского поиска, отраженного в «Черных тетрадах», и учитывать широкий пласт языковых и онтологических отсылок внутри текста «Черных тетрадей», то все предположения о том, что Хайдеггер искренне поддерживал нацистские преступные тенденции, станут несостоятельны в глазах исследователя, а богатая и малоизученная концепция бытийной истории займет достойное место не только среди специалистов узкой направленности, но и в умах русскоязычного читателя, наравне с «Бытием и Временем».

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бурдые 2003 – *Бурдые П.* Политическая онтология Мартина Хайдеггера. – М.: Праксис, 2003.

Габриэль 2015 – *Габриэль М.* Нацист из засады // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 166–169.

Клемме 2016 – *Клемме Х.Ф.* Несовершеннолетие как программа. Опыт рассуждения о Хайдеггере и его критике позднего Нового времени // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 56–62.

Кунц 2007 – *Кунц К.* Совесть нацистов. – М.: Ладомир, 2007.

Ленин 1970 – *Ленин В.И.* Речь на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 г. // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. / 5-е изд. Т. 41. – М.: Политиздат, 1970. С. 346–361.

Миронов, Миронова 2016 – *Миронов В.В., Миронова Д.* Философ и власть: случай Хайдеггера // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 21–38.

Миронов, Миронова 2018 – *Миронов В.В., Миронова Д.* Ein Knabe, der träumt, или Опыянение властью // Логос. Т. 28. № 3. С. 149–182.

Михайловский 2017 – *Михайловский А.В.* О некоторых особенностях российской рецепции философии Мартина Хайдеггера в связи с дискуссией вокруг «Черных тетрадей» // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2017. № 1 (21). С. 54–71.

Михайловский 2018 – Михайловский А.В. Начало «Черных тетрадей»: эзотерическая инициатива Мартина Хайдеггера // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 62–86.

Мотрошилова 2014 – Мотрошилова Н.В. Почему опубликование 94–96 томов собрания сочинений М. Хайдеггера стало сенсацией? // Сайт Института Философии Российской Академии Наук. – URL: https://iphras.ru/94_96.htm

Мотрошилова, 2016 – Мотрошилова Н.В. И снова о «Черных тетрадах» Мартина Хайдеггера (к дебатам лета – осени 2015 г.) // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 39–55.

Люди... 2015 – Люди в темные времена / ведущая Е. Файналова // Радио Свобода. 8 марта 2015. – URL: <https://www.svoboda.org/a/26886013.html>

Фалёв 2016 – Фалёв Е.В. «Черные тетради» и новый виток суда над Хайдеггером // Философское образование. 2016. № 2. С. 35–45.

Хайдеггер... 2018 – Фай Э. Хайдеггер, «Черные тетради» и Россия, под ред. М. Ларюэль и Э. Файя. – Москва: Дело, 2018.

Fried 2000 – Fried G. Heidegger's *Polemos*: From Being to Politics. – New Haven, CT: Yale University Press, 2000.

Heidegger 1998 – Heidegger M. Gesamtausgabe. III. Abteilung: Unveröffentlichte Abhandlungen Vorträge – Gedachtes. Band 69: Das die Geschichte des Seyns. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1998.

Heidegger 2015a – Heidegger M. Gesamtausgabe. IV Abteilung: Hinweise und Aufzeichnungen. Band 94: Überlegungen II–VI (Schwarze Hefte 1931–1938). – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2015

Heidegger 2015b – Heidegger M. Gesamtausgabe. IV Abteilung: Hinweise und Aufzeichnungen. Band 95. Überlegungen VII–XI (Schwarze Hefte 1938/39). – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2015.

Heidegger 2015c – Heidegger M. Gesamtausgabe. IV Abteilung: Hinweise und Aufzeichnungen. Band 96: Überlegungen XII–XV (Schwarze Hefte 1939–1941). – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2015.

Heidegger 2015d – Heidegger M. Gesamtausgabe. IV Abteilung: Hinweise und Aufzeichnungen. Band 97: Anmerkungen I–V (Schwarze Hefte 1942–1948). – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann GmbH, 2015.

Rockmore 1992 – Rockmore T. On Heidegger's Nazism and Philosophy. – Berkeley: University of California Press, 1992.

REFERENCES

Bourdieu P. (2018) *The Political Ontology of Martin Heidegger*. Moscow: Praxis (Russian translation).

Falyov E.V. (2016) *Black Notebooks and a New Round of Heidegger's Trial. Filofskoe obrazovanie: Bulletin of the Inter-University Center of Russian Philosophy and Culture*. No. 2, pp. 35–45 (in Russian).

Faye E. & Laruelle M. (Eds.) (2018) *Heidegger, Black Notebooks and Russia*. Moscow: Delo (Russian translation).

Fried G. (2000) *Heidegger's Polemos: From Being to Politics*. New Have, CT: Yale University Press.

Gabriel M. (2015) The Nazi from an Ambush. *Voprosy filosofii*. No. 4, pp. 166–169 (Russian translation).

Heidegger M. (1998) *Gesamtausgabe. III. Abteilung: Unveröffentlichte Abhandlungen Vorträge – Gedachtes. Band 69: Das die Geschichte des Seyns*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann (in German).

Heidegger M. (2015a) *Gesamtausgabe. IV Abteilung: Hinweise und Aufzeichnungen. Band 94: Überlegungen II–VI (Schwarze Hefte 1931–1938)*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann (in German).

Heidegger M. (2015b) *Gesamtausgabe. IV Abteilung: Hinweise und Aufzeichnungen. Band 95: Überlegungen VII–XI (Schwarze Hefte 1938/39)*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann (in German).

Heidegger M. (2015c) *Gesamtausgabe. IV Abteilung: Hinweise und Aufzeichnungen. Band 96: Überlegungen XII–XV (Schwarze Hefte 1939–1941)*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann (in German).

Heidegger M. (2015d) *Gesamtausgabe. IV Abteilung: Hinweise und Aufzeichnungen. Band 97: Anmerkungen I–V. (Schwarze Hefte 1942–1948)*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann (in German).

Klemme Kh.F. (2016) Minority as Program. Experience of a Reasoning on Heidegger and His Critic Modern Times. *Voprosy Filosofii*. No. 7, pp. 56–62 (in Russian).

Koonz C. (2003) *The Nazi Conscience*. Cambridge, MA: Belknap Press (Russian translation: Moscow: Lodomir, 2007).

Lenin V.I. (1970) Speech at the Session of Heads of Executive Committees of Moscow Region, delivered at October 15, 1920. In: Lenin V.I. *Complete Works* (Vol. 41, pp. 346–361). Moscow: Politizdat (in Russian).

Mikhailovsky A.V. (2017) On Some Features of the Russian Reception of Martin Heidegger's Philosophy. *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy*. No. 1, pp. 54–71 (in Russian).

Mikhailovsky A.V. (2018) Beginning of *Black Notebooks*: Martin Heidegger's Esoteric Initiative. *Soziologicheskoye obozrenie*. Vol. 17, no. 2, pp. 62–86 (in Russian)

Mironov V.V. & Mironova D. (2016) Philosopher and Power: A Case of Heidegger. *Voprosy filosofii*. No. 7, pp. 21–38 (in Russian).

Mironov V.V. & Mironova D. (2018) Ein Knabe, der träumt, or Inebriation by Power. *Logos*. Vol. 28, no. 3, pp. 149–182 (in Russian)

Motroshilova N.V. (2014) *Why the Publication of 94–96 Volumes of the Collected Works of M. Heidegger Became a Sensation?* Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Retrieved from https://iphras.ru/94_96.htm (in Russian)

Motroshilova N.V. (2016) And Again on *Black Notebooks* of Martin Heidegger (on the Debate of Summer – Autumn 2015)]. *Voprosy filosofii*. No. 7, pp. 39–55 (in Russian).

Rockmore T. (1992) *On Heidegger's Nazism and Philosophy*. Berkeley: University of California Press.